

Адам и Ева сбегают из пионерского лагеря

Ева
Адам

Действие происходит в Эдемском саду, который (на самом деле!) выглядит как пионерский лагерь – потому что разве кто-то из нас может представить более райское место, которого никогда не было, чем пионерский лагерь из советских фильмов или рассказов бабушек? Купайся себе на море или в речке, кушай кашу, спи в тихий час, смотри кино по вечерам – чем не рай? Кино... странная это штука, кино. Не утверждаю, что его обязательно смотрят в Эдемском (или каком-то там другом) саду, но если уж и есть что-то, что способно многое рассказать о нас с вами сегодняшних – так это кино, которое мы смотрим и кино, которое про нас снимают.

Вот и Ева – не исключение. Она очень полюбила кино. Полюбила, потому что в кино все вроде бы как в жизни, но при этом совсем не как в жизни. И эту дилемму ей еще предстоит для себя разрешить. А пока она в одиночестве проводит вечность в кинокружке пионерского лагеря, наслаждаясь историями любви разных периодов, стран и времен. Но, как всегда, идиллия возможна только в Эдемском саду – и то, не очень долго. Пока не придет он (в нашем случае, второй житель лагеря – назовем его Адам, потому что если уж его кто-то ранее так называл, зачем изобретать велосипед).

Полумрак. В центре комнаты – большой экран, на котором крутятся отрывки из романтических фильмов разных лет. Здесь и «Унесенные ветром», и «Реальная любовь», и фильмы с Гретой Гарбо и Одри Хепберн. Перед экраном – проектор, вокруг проектора ряды стульев. Все остальное вокруг очень вычищенное – мы вроде узнаем эстетику пионерского лагеря по странным советским вещам, наполняющим комнату, или по отдельным плакатам (почему-то, правда, черно-белым) и школьным партам, но она ощутимо искажена. По бокам – детали лагерного быта. Книжный уголок, стенгазеты. Справа – небольшой живой уголок – там клетки для попугайчиков, разная живность. Есть и свой собственный небольшой террариум – в нем ползает или неподвижно лежит змей (хоть Эдем и пионерский, но без змея в нем – никуда. Закон жанра. Классика). На столе – миска с яблоками. В пустом зале – Ева. Она увлеченно наблюдает за историями на экране. Периодически по радиосвязи звучат объявления «пионервожатого» типа:

- Дорогие ребята! Не забывайте, что после тихого часа состоится общий поход к морю на купание. Не забывайте с собой полотенца и купальники!
- Записаться в кружок «Электротехника» можно на первом этаже центрального корпуса!
- Не забывайте мыть руки перед едой!
- Всем, кто планирует уйти в поход, необходимо получить оборудование в туристическом кружке.

Эту идиллию прерывает врывающийся в темную комнату Адам, из дверного проема с собой приносящий в комнату свет.

Адам и Ева.

Адам: Подскажи, а не тут проходит кружок юного механика?

Ева (спустя паузу, явно ошарашенная первой встречей с человеком): Нет.

Адам: Понятно, видимо дверью ошибся, прости! А здесь что?

Ева: Тише...

Адам: Я говорю, а тут что? Сегодня занятия будут?

Ева: Я говорю – тише. Ты мне мешаешь!

Адам: Странно, я в этой части корпуса никогда не был.

Ева: Не мудрено.

Адам: Это почему это?

Ева: Не бери в голову. Ладно, ступай, куда шел. Что там сегодня по расписанию? Банный день, водные процедуры?

Адам: На пляж можно идти.

Ева: Вот и иди.

Адам: Ну, часа два еще до тихого часа есть, а купание только потом. Вот и ищу, чем бы себя занять. Все перепробовал. Вчера вот такую ракету на «моделисте» собрал...

Ева: Иди на улицу, там хорошо. Бегай, прыгай, мяч пинай...

Адам: А ты?

Ева: А я здесь посижу.

Адам: Знаешь, свежий воздух тебе тоже не повредил бы... Сидишь тут в темноте, давай хотя бы окна откроем?

Ева: Не надо, это специально

Адам: Специально что?

Ева: Иначе на экране ничего видно не будет. Ты табличку на двери не читал?

Адам: Нет

Ева: Читай

Адам: «Кинокружок. Запись закрыта». Ого. А почему «закрыта»?

Ева: Потому что все места заняты.

Адам (недоуменно): Кем?

Ева: Ты что, слепой?

Адам недоуменно смотрит вокруг.

Ева: Мною. Тут уже я.

Адам: Но...

Ева: Ты хоть на одном другом кружке здесь кого-то еще встречал?

Адам: Нет... Кстати...

Ева: Потому что они все свободные. А тут я. Тут занято. Странно, что ты даже не удивился.

Адам: Не удивился...

Ева: Ты кого-то еще встречал в лагере?

Адам (подумав): Нет, ты первая. А ты?

Ева молчит

Адам: Эээй?

Ева: Не кричи, я тебя прекрасно слышу. Я думаю.

Адам: А чего тут думать? Простой вопрос же.

Ева: Вот сразу видно, что для тебя простой. Вживую, вот так, чтобы физически встретиться – ты первый.

Адам: А как по другому можно встретиться, если не «физически»? Химически?

Ева: Именно. Химически. Буквально. У меня такое чувство, что здесь я повстречала сотни разных людей...

Адам: Ты хочешь сказать, что все в лагере в твоём кинокружке торчат? Никогда не поверю? Почему на футбольном поле тогда все время пусто, почему на набережной никого нет? А на пляже? М? Ни за что не поверю, что столько людей не пошли бы на пляж, а стали здесь с тобой в темноте сидеть. Я бы точно не стал.

Ева: Вот какой же ты шумный. Мы с тобой пять минут всего говорим, а кажется, будто целый час. А с ними мы уже столько времени вместе...

Адам: Сколько?

Ева: Не знаю, тут нет часов.

Адам: Как же ты тогда...

Ева (перебивая): В общем, столько времени вместе, а кажется, что всего один миг.

Адам: Разыгрываешь меня, да? И где они все? В шкафу прячутся?

Ева (показывая на экран): Здесь.

Адам непонимающе смотрит

Ева: Ну какой ты у нас сообразительный! Надо бы тебе еще в какой-нибудь интеллектуальный кружок записаться. Логиков там, математиков. Иди сюда.

Адам садится рядом

Ева: Смотри.

Адам: Куда?

Ева: На экран.

Адам: Этим ты тут занимаешься. В стену смотришь? И с тобой еще сто человек? Ничего получше придумать не могла.

Ева: Сейчас начнется.

На экране вдруг начинается свечение. Показывают «Титаник».

Ди Каприо.

Адам: Ого, здорово! Где это они?

Ева: На самом большом в мире круизном лайнере.

Адам: Да, здоровенный. Даже если модель такого делать, неделя точно уйдет. К нашей пристани такому не причалишь. Вот бы на такой палубе оказаться. Взаправду.

Ева: Не советую. Корабль напорется на айсберг и потонет. Практически никто не выживет.

Адам: Враки. Откуда знаешь?

Ева: Я про него уже больше ста раз, наверное, смотрела.

Адам: А это кто?

Ева: Просто... он и она. Она и он. Она богатая, а он... ну, это он. Он и все. И между ними, конечно...

Адам: Фу!

Ева: Дурачок.

Адам: Да я не про то. Если между ними... Кто же их в это время снимал? И зачем? Вот неловко, наверное. Стоишь на носу, а он тут – снизу. И кружит. И, главное, зачем. Вокруг море, виды такие, людей на палубе, наверное, тысяча. Корабль тонет. А этот «кто-то» двоих на носу снимает. Что в них такого особенного? *(Смотрит на Дикаприо)*. Вот, этот твой «он»... Ну... Честно, ничего особенного. Мне кажется, я такого на плакатах видел на центральной аллее. Что-то вроде «собирай макулатуру» или, о, вспомнил, на этом: «Закаляйся в лагере, племя молодое!».

Ева: *(передразнивая)* «Закаляйся в лагере, племя молодое!» Нет, он особенный. У него талант. Созданный для большого экрана, а не для твоих дурацких плакатов.

Адам: Кем созданный?

Ева: Спроси что попроще.

Адам: Нет, ну правда, кем? Откуда они тут у тебя взялись? А ты сама, откуда?

Ева *(иронически)*: Из твоего ребра *(Адам проверяет наличие ребра)*. Нет, ты точно дурачок. На месте *(про ребро)*?

Адам: Вроде да.

Ева: Вот и хорошо. А то, иди в медкорпус, проверь, что ли.

Адам: А ты?

Ева: А я здесь посижу.

Адам: И как тебе все это не надоест, а? Кругом столько всего – пляж, спортивные площадки...

Ева: Кружок юного моделиста...

Адам: Вот, вот! А ты здесь – на этого пялишься.

Ева: У «этого» есть имя. Вернее, будет. Леонардо... Красивое.

Адам: И что же в нем такого?

Ева: Ты не поймешь. Он такой, такой... Особенный, в общем. Это так словами не выразишь. Его любят самые лучшие кинорежиссеры – видят, чувствуют то же самое, что и я, и приглашают в самые лучшие фильмы. Хочешь – на Дикий Запад, в пасть к медведю. Он под него бросится, получит такие серьезные раны, а потом проползет неизвестно сколько километров до поселения колонистов. Один, понимаешь? Раненный. Или пойдет туда, куда другие никогда не пошли бы. Вот, например, хочешь – в сон другого человека, а потом еще в один – сон внутри сна. А хочешь – в сумасшедший дом.

Адам *(недоверчиво)*: Взаправду?

Ева: А то. Или даже в гангстерскую шайку внедрится. И получит пулю. И не одну.

Адам: Не верю. Вот в это точно не верю. Как он – после медведя, еще и пулю.

Ева: Несколько.

Адам: Несколько. Как он только с этого лайнера спасся?

Ева: А он не спасся. Он утонул.

Адам: Бред. Утонул – а потом под медведя?

Ева: Он не по-настоящему утонул. Это кино. Ты что, табличку на двери не прочел?

Адам: Да прочел я. То есть это все не по-настоящему?

Ева: Как сказать. Знаешь, как люди будут рыдать, глядя на него с Кейт? Как его любят миллионы преданных зрительниц... Вернее, полюбят. Когда-то. А пока самая преданная фанатка – я.

Адам: Полюбят... Когда? Где? Кто? Не понимаю.

Ева: Я и сама, если честно, пока не очень понимаю. Но это все еще будет. Где-то.

Адам: Здесь, в лагере?

Ева: Смеешься? Здесь такого никогда не будет. Это все там – за забором. Где-то. И когда-то.

Адам: Глупость несусветная.

Ева: Да почему?

Адам: Да потому что глупость. Он умер – и не по-настоящему. И все знают, что не по-настоящему. А еще плачут почему-то. Чего они рыдают то?

Ева: Будут рыдать.

Адам: Ну да, еще даже будут рыдать. Они же знают, что с ним все в порядке. Что рядом с ним еще и этот, с камерой. И на все это дело смотрит. Поймает и вытащит, если что.

Ненастоящее все, искусственное.

Ева: Можно подумать, твоя ракета в «Моделисте» настоящая.

Адам: Ракета – нет. Но все остальное... И пляж, и солнце, и лес, и пруд, и каша в столовой. И сад яблоневый напротив корпуса.

Ева: Сад...

Адам: Все это здесь – в лагере. Настоящий рай.

Ева: Рай...

Адам: Вот-вот, рай. Купайся, загорай, полднишки кушай и пятое питание. Хочешь – волейбол, хочешь – пионербол, если в волейбол играть страшно и не умеешь еще. Зверюшки всякие в живом уголке. Змея в террариуме. А у тебя тут этот – драму разыгрывает. Еще где-то медведя нашел. Ты где такого медведя видела – он же явно нарисованный. Вот ты у нас видела медведя в зоопарке? Он и мухи не обидит. Пойдем, покажу.

Ева: Никуда я не пойду, сказала же.

Адам: Ну и сиди тут. А у нас по расписанию обед скоро.

Мэрилин сияет.

(На экране появляется Мэрилин Монро)

Ева: Ну, чего застрял – иди. Тебя там змей в террариуме дожидается. Да и ракета, наверное, высохла – красить можно после тихого часа.

Адам: Иду, сейчас.

Ева: На что уставился то? *(Все понимает по взгляду Адама)*. Оооо, понятно. «Джентельмены предпочитают блондинок». Видимо, все джентельмены. А говорил, скука смертная. Втюрился?

Адам: Ничего я не втюрился. *(Через паузу)* Это тоже все только будет или, может быть, уже где-то есть?

Ева: Думаю, будет. Не скоро. Когда-то. Где-то. Долго ждать придется. Да и вообще, знай – она не простая совсем. Я это кино уже много раз смотрела. Не переживай – от нее все сходить с ума будут. Президенты, а не только ты, «сильный смелый, ловкий и умелый». Вот через пару минут она скажет: «Лучшие друзья девушек – это бриллианты». Бриллианты, милый. А ты что ей подарить смог бы? Ракету свою из «моделиста»? Или, может быть, путевку?

Адам: Куда?

Ева: Сюда, в лагерь. Кашу на завтрак, водные процедуры. Подведешь ее к столовой, и гордо, во весь голос: «Раз-два, три-четыре, три-четыре, есть хотим! Открывайте двери шире, а то повара съедим! Поварятами закусим, а дежурными запьем, из вожатых сварим кофе, из начальника – бульон!». И никакого тебе тихого часа – только и остается, что в гордом одиночестве продолжать клеить ракету в кружке моделиста!

Адам: Да иди ты.

Ева: Да шучу я. Ладно, вышло как-то грубовато, прости. Впрочем, я тебя хорошо понимаю. Посмотри, какая она здесь. Легкая, искрящаяся... Счастливая. Как улыбнется –

непринужденно, светло, а как голову наклонит – все, пиши пропало. Сердце в дребезги. «Все мы звезды, и мы заслуживаем того, чтобы блистать» – это она сказала, это ее слова. Не помню, в каком фильме... Забыла. Сейчас найду (*начинает искать кинофильм среди кучи коробок*). Вот теперь понял, что в них такого? Что это все значит?

Адам: Понял, но слова, кажется, подобрать не могу.

Ева: Не трудись, а то в медкорпус идти придется, активированный уголь принимать. Все они здесь такие, такие... Прекрасные, понимаешь? Согласен же? Светятся, улыбаются. И мир у них такой замечательный, понятный и блестящий. Финал – всегда счастливый. Женщины – всегда сияют. Всегда одетые с иголочки, все в них прекрасно. Мужчины – галантные, аккуратные – вот смотрят в камеру, и сердце замирает. А добро... Всегда побеждает добро. Закон жанра. Есть в этом что-то... Что-то такое, понимаешь, что хотя этого еще не произошло, что хотя это «где-то» и «когда-то», «когда-то потом», но я уже по ним всем смертельно скучаю. Начинаются титры, а я думаю – «Мы когда-нибудь еще встретимся?». И ведь я знаю, что не встретимся, но так хочется. Хотя бы здесь. Здесь мы всегда вместе. Здесь, когда одна пленка закончится, начнется новая, а если я соскучусь до неприличия, я всегда могу посмотреть заново. И мы снова с ними поговорим. Обо всем. И конец будет счастливым. А потом снова увидимся. И они тут всегда молодые, как мы с тобой. Ну, может быть, чуть старше. Может даже сильно старше, но все равно – как мы. Вечные. Я понимаю, у нас тут тоже все вечное. Все по расписанию – водные процедуры, рыбный день, костры и сбор макулатуры. Но почему-то здесь мне от всего этого смертельно скучно, а у них, там – нет. Вот тут уже и мне слов не хватает...

Адам (помолчав): У тебя с ней еще какие-то фильмы есть?

Ева (усмехнувшись): Все. Здесь все есть. Все, что только будут. Когда-то и где-то. На любой вкус.

Адам: Я у тебя возьму парочку. Так, поизучать.

Ева: На тихом часу? (смеется) Придется кинопроектор найти. Или сюда приходи.

Адам: Кто она?

Ева: Актриса. Мэрилин.

Адам: Нет, это понятно. А какая она?

Ева: Ты меня совсем не слушал? Я перед кем здесь распиналась про «блистающих», «сияющих», «легких»...

Адам: Я тебя слушал внимательно. Это она такая, когда вот этот «другой с камерой» смотрит. Ну, вернее, будет смотреть. Когда такие, как я, к экранам прильнут и будут с замиранием сердца ждать что-то про «бриллианты» или...

Ева: «Пу-пу-пи-ду-пу!»

Адам: Ну да, это самая. А вообще она – какая? Ты про нее что-то знаешь?

Ева: А мне и не нужно. В этом есть определенный шарм, не находишь – я вижу ее такой, какой она хотела, чтобы ее увидели. По законам жанра...

Адам: Вот о чем я тебе и говорю. Вот, что мне и... Покоя не дает, что ли. Понимаешь? Вот она здесь – вся такая сияет, улыбается, «пу-пу-пи-ду-пу» вот это... А когда кино заканчивается, когда камеру останавливает – она какая? Какая она в жизни? Вот я понимаю, какое здесь все – вот море по утрам холодное, а к вечеру его солнце прогревает так, словно парное молоко на полдник. Вот солнце – теплое. Вот трава – мягкая. Вот каша в столовой – вкусная. Когда, конечно, не макароны в молоке – это есть невозможно. Ну правда, вот мы с тобой – все про «рай», про «рай». Но вот макароны в молоке – это что-то другое. Этого в раю не бывает. Они же все как...

Ева: Змей из террариума.

Адам: Вот! В точку! Ну я о чем – вот они, солнце, трава, вот эти макароны с молоком проклятые... Змей в террариуме. Вот звери в живом уголке – гуляют, бродят, подходят. У них шерсть такая... Мягкая, шершавая... Колкая иногда. Ну, в общем, шерсть – она и есть шерсть. Вот ты... Сложная. Колкая. Как та же шерсть. Но настоящая. Потому что ты здесь. И я понимаю, какая ты настоящая. Я могу подойти к тебе. Могу за руку взять. А эта (показывает на Мэрилин)... Вот какая она?

(*На экране появляются другие прекрасные актрисы – Одри Хэпберн, Грета Гарбо и другие*).

А эти все – какие? Ну вот не могут же они, когда камера выключится, в таких платьях поплыть по своим делам. Вот как они на водные процедуры ходят? Какими из моря или из речки на пляж погреться выходят? Какими после тихого часа с кровати встают? Едят ли они эти макароны проклятые с молоком... А что они вообще едят? В общем, какие они – настоящие? Не на экране, а за его пределами, как мы с тобой. Вот какая ты – я вижу. Я, может быть, еще не понял до конца, но пойму потом. А вот про них ничего не понял.

Почему у них там это «пу-пу-пи-ду-пу»? Потому что я про них ничего не знаю. И ты про них ничего не знаешь, на самом деле. Ты их увидела такими – и все. А могла бы на пляж со мной сходить.

Ева: Могла бы. Но не пойду.

Адам: Как знаешь. А я пойду. Встретимся на обеде. Там, наверное, котлеты давать будут. И борщ. *(подумав)*. А они вообще едят? А что они едят? Вот едят ли они макароны с молоком?

Ева: Вряд ли.

Адам: А потом, когда поедят...

Ева: Иди уже.

Змей.

(Адам уходит. Ева остается одна. На экране – «Унесенные ветром». Звучит отрывок:

— Чего вы боитесь?

— Больше всего того, что жизнь стала слишком реальной, она утратила былую красоту, утратила безмятежность тех прежних дней, милых моему сердцу. Я не приспособлен жить в этом мире, а мир, которому я принадлежу — исчез с приходом войны. Я видел кровавое месиво из людей, снарядами рвало моих друзей на куски... Бог сохранил мне жизнь, но она для меня хуже смерти. В новом мире мне нет места и мне страшно.

Ева подходит к террариуму. Смотрит на змея)

Ева: Не смотри на меня так. Вот скажи – ты любишь макароны с молоком на завтрак? Стал бы их есть? Может быть, это ты повара и заставляешь их готовить каждое воскресенье, потому что эти макаронины так на тебя похожи. Слизкие, длиннющие... И плавают в молоке, как ты – в этом террариуме. Если бы я тебя выпустила, ты пополз бы на кружок «Электротехника»? А ракету в «моделисте» стал бы клеить? Глупости – чем тебе клеить – у тебя же рук нет. Тебя тут вообще кормят? А меня, кажется, кормят в данную минуту – только я тут с тобой разговариваю, а в этот момент в столовой котлеты дают. *(Идет за яблоком к столу, берет, возвращается к террариуму)*. Будешь? Что ты вообще ешь? Ты вообще ешь? Какой ты на самом деле? *(Смотрит на киноэкран, который в этот момент пошел рябью, так как закончилась пленка)*. А они – какие они на самом деле? Какие они, когда не танцуют, поют, женятся, улыбаются? Какие они, когда не смотрят в камеру? *(Снова протягивает змею яблоко)*. Не будешь? Ну, как хочешь. А я, раз уж обед пропускаю, откушу. За тебя, за нас – и за Мэрилин с Леонардо. *(Смотрит на экран, показывает яблоко)* – «Ваше здоровье».

(Ева роется в коробке с кинопленками. Находит одну, внимательно разглядывает. На экране в этот момент – снова «Унесенные ветром». Герои говорят:

— Скарлетт, вы ничуть, ничуть не изменились с того самого дня, когда был пикник у нас в Двенадцати Дубах. Помню, как вы сидели в окружении молодых людей.

— Той наивной Скарлетт больше нет. И все сложилось не так, как мы рассчитывали, Эшли, совсем не так.

— С той поры мы проделали долгий путь, верно, Скарлетт. О, беспечные деньки... теплые летние сумерки, женские смех, тихие песни негров и уверенность, что это золотое время вечно.

— Нельзя все время оглядываться и жить воспоминаниями, Эшли. От этого душа стонет... и идти вперед невозможно...)

Ева: Вот вы это по-настоящему, или потому что тот за камерой попросил? Вот бы узнать... Вот бы что-то про вас узнать настоящее. Какие вы? Что вы едите, что пьете? О чем думаете? О чем хотите, чтобы мы думали. Есть ли у вас... В смысле, будет ли у вас то же, что и у нас? Тихий час, кружки... костер. Поговорите со мной. Расскажите мне все.

(Ева берет найденную пленку и решает ее поставить. На экране – «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма (первая сцена, где мирные кадры перебиваются концлагерем). Ева в оцепенении).

Зачем.

(Возвращается Адам. Он – с фотоаппаратом и тарелкой с обеда. Ева сидит неподвижно)

Адам: Так и знал, что обед пропустишь. А я забыл, что сегодня четверг – рыбный день. Я тебе кусочек принес – будешь?

Ева молчит.

Адам: Вкусная, хоть и с костями. Не люблю я эти кости в рыбе – все время их выковыривать пальцами приходится. Бывает, что костей больше, чем самой рыбы – а откуда удовольствие тогда? Еда ведь должна приносить удовольствие. Тут же вообще все вроде как должно приносить удовольствие. «Не жизнь – а рай». (Задумался). Но откуда здесь тогда все-таки эти макароны с молоком каждое воскресенье? Мы с этими макаронами в светлое будущее точно не придем. Думаю, их в нем точно не будет – давай их в следующий раз бойкотировать? Ничего есть не будем – вожатые заметят, донесут на своих крыльях Начальнику, а он поколдует что-нибудь – и уберет их из меню. Он же все тут построил, придумал, оформил – значит, он и эти макароны создал зачем-то? По его указке же каждое воскресенье их... Интересно, а он сам их ест? Вот и про него, получается, я тоже ничего не знаю, а про тебя – уже кое-что. А про них...
(Смотрит на экран. Видит «Обыкновенный фашизм»).

Адам (после паузы): Это где?

Ева: Кажется, пока еще нигде. Но будет. Где-то и когда-то. Везде. Потом. А может быть, очень скоро. Я здесь не очень ощущаю время. Сегодня какой день недели?

Адам (в оцепенении): Четверг. Я же говорил – рыбный день.

Ева: А месяц?

Адам: Лето. Тут всегда лето.

Ева: А год?

Адам: Год?

Ева: Год.

Адам: Я не знаю. Спроси, что полегче.

Ева: И я не знаю. И не хочу знать. Вдруг это уже произошло? Вдруг уже происходит?

Адам: Где?

Ева: За воротами лагеря.

Адам: И зачем такое снимают? Неужели кому-то это нравится? Тот, что за камерой стоит – он на это как смотрит? А кто вообще это смотрит? Ну, в смысле, будет смотреть? Тут не Мэрилин, ни Леонардо твоего...

Ева: Это не кино. Это взаправду. Ты меня спросил – какие они, когда камеру выключают. Когда можно не улыбаться, когда без «пу-пу-пи-ду-пу». Вот. Видишь. Один, когда все закончилось, не выключил. Он ее включенной оставил. Он не кино снимал. Он снимал жизнь, в которой это кино смотрят. Вот какие они, когда эти камеры выключаются. Я хотела тебе доказать, что знаю, какие они. Я нашла фильмы, которые никогда не смотрела. Ты у меня спросил. Я посмотрела. И пересматривать больше не хочу.
(Выключает проектор).

Адам (после паузы): Я не верю.

Ева: Когда улыбались на камеру – не верил. Когда по-настоящему – тоже не веришь. Ты вообще во что-то веришь?

Адам: Да. В то, что шерсть колючая. А море теплое.

Ева: Как парное молоко на полдник.

Адам: А в это не верю. Я должен это увидеть. Своими глазами.

Ева: Иди и смотри. Только далеко не уйдешь. Вокруг лагеря забор.

Адам: А в заборе у ворот дырка. Давно уже. А за дыркой – автобусная остановка. Пошли вместе. Я тебе докажу, что все не так. Мы найдем того, кто за камерой стоит. Мы его про все это спросим.

Ева: Никуда я не пойду. И здесь не останусь. Что-то мне посмотреть на это все расхотелось совсем. А уж вживую – подавно. Потому что ты прав – это все ерунда гнусная. Ложь, обман, фарс. Не может она так в камеру смотреть и улыбаться, зная, что параллельно вот это все есть. Что это было. Что это будет. Тут целая коробка, посмотри. Вот у них камеры выключаются – они уходят со съемочной площадки и попадают в свой лагерь, или что у них там будет, я не знаю. А в нем – вот такое. Ну не могут они этого не знать. Там за забором. Не могут не узнать когда-нибудь. А потом – что? Опять, на площадку? Опять «лучшие друзья девушек – бриллианты»? Почему эти бриллианты не рассыпаются у нее в руках? Почему не превращаются в пепел?

(Подходит к книжной полке)

Вот, смотри – ты хотел узнать, какая она. Вот, читай. Тут все про всех написано. Ты прав – у нее даже имя не настоящее. Не Мэрилин, а Глэдис. Детский дом. Мать сумасшедшая. Страдала от депрессии. Знать бы еще, что это такое. Таблеток наглоталась и умерла. Это тебе не активированный уголь в медкорпусе – тут видишь как. А этот – Леонардо? Как он может на доске, в холодной воде, говорить ей про любовь, когда он вот-вот умрет. Он вообще про это что понимает? Я про это ничего не понимаю, а почему он понимает?

Потому что для него все понарошку. Потому что для них всех это будет понарошку. А я не хочу понарошку. Я хочу по-настоящему. Но вот так, по настоящему, как на этой пленке, где черепа, трубы, волосы – я не хочу. Я этого всего не выдержу.

И на это все вокруг я смотреть не могу. Какая каша, какие ракеты, какие кружки электротехники теперь? Если настоящее – оно такое, то где оно здесь? Вот ты говоришь – трава настоящая, я настоящая, шерсть там и прочее. А какое же оно все настоящее? Где вот это все, что на экране? Почему этого тут нет? Почему мы этого всего не видим? Вот давай позовем начальника? Давай? Давай ему скажем через громкоговоритель – почему? А он нам ответит – «А зачем?». И будет совершенно прав. Потому что «зачем». Зачем это все – там. Зачем это все – здесь? Зачем я? Зачем ты? Зачем эти твои макароны идиотские на завтрак по воскресеньям. Зачем рыба по четвергам? Зачем гад этот в своем террариуме, зачем эти яблоки в тарелке, зачем объявления по радио? Для кого эти объявления по радио? Зачем «мойте руки перед едой»? Зачем записываться в кружок «Электротехника»? Зачем тихий час? Зачем «Пионер – детям пример»? Зачем отбой? Зачем ты? Зачем я? Зачем все это. Если там – такое. Если здесь – такое. Зачем.

Вот найдешь ты того, кто это снял. Кто это снимет, вернее. Вот спросишь его – Зачем. А что он тебе ответит? Как он объяснит, почему не выключил камеру, когда все остальные выключили? Пока я здесь – все это для меня очередной сюжет «оттуда». А если мы с тобой – там, то все это – то, что случится с нами по-настоящему. Мне теперь кажется, что счастливый конец только в тех фильмах, где режиссер вовремя выключил камеру. А вот тот не выключил – и конец не счастливый. А у нас с тобой тут и вовсе конца нет. Сегодня – рыбный день, а через два дня будут твои макароны с молоком. А потом опять по-новой. А я еще и яблоко это тупое съела. Теперь живот болит.

Адам: Жди здесь. Я сейчас приду. (Через паузу). И поешь рыбу, пожалуйста – в ней правда костей нет. Я все вынуть постарался. И еще я компот принес.

Побег.

Ева без сил опускается за стол. На экране заканчивается «Обыкновенный фашизм» и некоторое время мелькает пустая пленка. Затем запускается новое кино. Это «Общество мертвых поэтов» – герой Робина Уильямса обращается к ученикам: *«Почему я здесь стою? Есть идеи? Я встал на стол, чтобы напомнить себе о том, что надо смотреть на вещи с разных точек зрения. Видите ли, отсюда мир выглядит иначе. Если не верите, попробуйте сами. В тот момент, когда вы посчитаете, что что-то знаете, необходимо взглянуть на это*

по-другому, даже если это покажется вам глупым или нелепым. А когда вы читаете, не думайте о том, что хотел сказать автор. Думайте о том, что хотели бы сказать вы». Ева бессмысленно ходит по комнате, ложится на пол, пытается как-то собраться с силами. Возвращается Адам. В его руках – большой фотоальбом.

Адам: Смотри. Это я на пристани сфотографировал. Вечером. На закате. Это – у центральных ворот. Дерево. Это – в саду. После дождя. Яблони. Вот звери на поле в зоосаду. Тигры. Львы. Слоны. А вот – пляж. Рассвет. Красиво?

Ева: Красиво.

Адам: Красиво, правда. А ты спрашиваешь, зачем на другие кружки ходить. Это вот с «Фотолюбителя». Ты права – каждый день одно и тоже. Пляж. Пристань. Зоосад. Каша на завтрак. Суп на обед. И мне тут, конечно, страшно нравится. Мне тут... Знаешь, есть такое слово – раздольно. Это когда...

Ева: Я знаю, что это значит. Раздольно. Я понимаю.

Адам: Хорошее все-таки слово. Вот мне тут именно что раздольно. Было. А теперь вот – как-то не так. Где-то внутри головы крутятся эти кадры, через которые ты мне, как через дверную щелочку, показала, что там за воротами лагеря. Будет. Или, даже, лучше так – может быть. А может и не быть. Там все еще может быть, а может и не быть, понимаешь? А тут уже все есть. Вот просто есть – и все. И мне это все очень нравится – кроме, конечно...

Ева: Макарон с молоком в воскресенье на завтрак.

Адам: Ну, кроме них, естественно. Хотя, может быть, там, за забором, я и начну даже по ним скучать. Но вот больше не хочу здесь. Хочу туда – через дырку в заборе, которую кто-то хитрый для нас оставил. Может, это даже сам Начальник Лагеря – он же тут все так грамотно продумал, все по расписанию, так зачем же он вот эту дырку в заборе оставил? А я тебе скажу, зачем – он ее для нас оставил. Потому что здесь же никого, кроме нас нет – значит это все для нас. И эта дырка в заборе тоже. Чтобы мы через нее, как в дверную щелочку, понимаешь?

Ева: Понимаю.

Адам: Есть такое слово – «смотреть». А еще есть другое слово – «видеть». Вот они вроде по значению похожи, да? Но по смыслу очень отличаются. Вот ты здесь столько всего посмотрела. Всё?

Ева: Теперь, кажется, всё.

Адам: Все посмотрела. Но ничего не увидела, понимаешь? Ты посмотрела сотни и тысячи историй о любви, но увидела ли ты своими глазами хоть одну? Ты посмотрела на всех этих красивых и счастливых людей в дорогих костюмах и платьях – но что бы в них увидела? Увидела ли хоть что-то? Разглядела? Вот я это так понимаю – увидеть, это когда своими глазами, в самую глубь и здесь и сейчас. Я тут тоже уже на все насмотрелся. А с тобой посидел и понял – хочу увидеть. Вот бы хоть что-нибудь там увидеть. (Помедлил). И еще, конечно, почему-то мне очень хочется увидеть это именно с тобой.

Ева: Почему со мной?

Адам: А с кем же еще? (Смеется). Больше тут никого кроме нас все равно нет. Пока нет. А потом появятся. Там. Мы всех их с тобой обязательно увидим. Мы присмотримся, мы проследим, мы будем внимательны. И мы все ИМ расскажем – обо всем, что увидим. И пускай их пока еще нет. Но ведь мы с тобой есть. Мы есть. Мы на многое с тобой здесь уже насмотрелись. Хоть еще ничего и не видели на самом деле. И ОНИ еще тоже ничего не видели. Значит, не все потеряно. Значит, может быть, этих фильмов никогда и не снимут. А снимут только хорошие. Те, которые тебе так полюбились. Про любовь. С твоими Леонардо и Мэрилин. Или с кем-нибудь еще. Потому что мы с тобой еще ничего толком не видели. Но увидим. Надо только рискнуть. Рискнем?

Ева (чуть подумав): А как же твои кружки, пляж, спортчас?

Адам: Ну, в конце концов, лето никогда не бывает вечным. И всегда заканчивается. Даже в твоих фильмах наверняка заканчивается. Вот и наше подходит к концу. Давай собирать вещи.

Ева: Нет, не будем ничего собирать. Возьмем с собой только самое необходимое! Пойдем налегке, чтобы ничего нас не тяготило. В конце концов, это все не наше. «Собственность лагеря». Пусть остается здесь, чтобы нам в пути было легко и...

Адам: Раздольно? (Ева смеется). Остальное найдем по пути. Ты со мной?

Ева: Ага. Только не забудь, пожалуйста, фотоаппарат. Мы с тобой сделаем новый альбом.

Адам: В «Фотолюбителя» есть еще – с Начальника не убудет. А твои пленки?

Ева: Пусть остаются здесь. Они ведь тоже не мои. Тоже как бы «Собственность лагеря». Нам они с тобой ни к чему. Мы с тобой снимем новые.

(Адам помогает Еве собрать рюкзачок. В него летят пара яблок, фотоаппарат, да и, пожалуй, все – больше им ничего из лагерных вещей и не надо. Ева гасит кинопроектор, пишет записку и кладет на стол. Стучит в стекло террариума и прощается со змеем. Оба обнимаются и, полные духа авантюризма и приключений, выходят за порог корпуса.

Играет «Весь мир на ладони»:

«Если бы ты встретил того паренька,

Смог бы смотреть ему в глаза?

Если бы увидел, занесла река

Куда тебя – что бы он сказал?»...